

Действительно, с одной стороны, культура как контекст социальных событий, поведения, институтов или процессов традиционно задает базовые социокультурные измерения места. Однако традиционное понимание ландшафта как объективно измеримой реальности в значительной степени исчерпало себя. Ландшафт как социальная конструкция содержит имидж и рассказ, вызывающие множество ассоциаций и историй, он вписывается в нашу идентичность, отношения и жизненный сценарий и предполагает активную позицию в последовательности жизненных событий.

Немаловажным аспектом имиджирования туристских территории становится экологическая политика регионов. При благоприятном планировании мероприятий экологической направленности туризм способствует эколого-коммерческому сдвигу восприятия местного населения в отношении к своей территории как к объекту туристского пространства. Ландшафт приобретает коммерческую ценность, однако, придя во многие уголки мира, туризм изменил их облик, поэтому в развитых странах на смену императива защиты окружающей среды от индустриального загрязнения пришла задача охраны пейзажа и населения от туристов; она стала задачей самой туристской индустрии, заботящейся о завтрашнем туристском образе дестинации.

По нашему мнению, критериями туристского образа признаны эффективность стимулирования у потенциальных туристов ассоциаций, связанных с эстетизированностью, аттрактивностью, безопасностью, релаксацией, комфортом, элементами таинственности. Данные критерии легли в основу структурирования туристского пространства как пространства вариаций игры, праздника, коммуникации, физической релаксации. В течение туристской поездки, как пишет Венкова А.В., «потребитель стремится накопить все большее количество жизненных ситуаций, психологических состояний, испытать всю шкалу чувств, впечатлений, идентификационных приключений». [1, с. 336]

Таким образом, имиджирование туристского пространства имеет разнообразное региональное воплощение в международной практике. Одной из наиболее значимой характеристики имиджа территории становится отражение ее национальной, этнической, культурной, экологической специфики на фоне унифицирующих процессов глобализации. Кроме того, туристский образ региона воплощает геополитические притязания страны в контексте глобальной социокультурной динамики.

Источники и литература:

1. Венкова А. В. Современный номадизм : метафора и стиль жизни // Культурное пространство путешествий. Тезисы форума. – СПб. : Центр изучения культуры. 2003. – 350 с.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / Каганский В.– М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
3. Черняева Т. И. Конструирование ландшафта в туризме. Размышления об имидже // [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.hse.ru
4. См. подробнее : Перспективы развития туризма в Автономной Республике Крым. Ключевые результаты исследования. Часть 2. ПРООН, Совет по человеческой безопасности при Председателе Верховного Совета АРК, 2013 // [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.undp.crimea.ua/img/content>
5. См. подробнее : Centre de communication avance [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.franceinter.fr/lien-le-site-du-centre-de-communication-avancee-cca>

Григорьева Л.И.

УДК 008:821.161.1''18''(477.75) Лермонтов

«ПРОСТИТЕ МНЕ, ЧТО Я РЕШИЛСЯ К ВАМ ПИСАТЬ...»

ИЛИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВ – КУЛЬТУРОЛОГАМ КРЫМА

Анотация. В статье показано, что творчество М.Ю. Лермонтова для культуролога – это неисчерпаемый родник для познания культуры. Обосновывается, как поэзия Лермонтова и крымские мифы о поэте, могут стать основанием для создания новых туристических маршрутов по Крыму. А это и означает – подсказка и помощь от поэта в практическом применении знаний дисциплины «Экскурсионное дело в Крыму».

Ключевые слова: Лермонтов, Крым, культурология, экскурсия.

Анотація. У статті показано, що творчість М.Ю. Лермонтова для культуролога – це невичерпне джерело для пізнання культури. Обґрунтовується, як поезія Лермонтова і кримські міфи про поета, можуть стати підставою для створення нових туристичних маршрутів по Криму. А це й означає – допомога від поета в практичному застосуванні знань дисципліни «Екскурсійна справа в Криму».

Ключові слова: Лермонтов, Крим, культурологія, екскурсія.

Summary. «Excuse me, I dare you Write ... "or MU Lermontov – Cultural. The article is about how M.U. Lermontov can become an assistant in the study course "Tour business in the Crimea" in the development of new tour routes to the Crimea. Get ready for the XXXVII International Scientific Conference «Culture of the Black Sea region from ancient times to the present day" dedicated to the 200th anniversary of the birth of M. Lermontov and prepared as an excursion. Traditionally, the second day of scientific readings Department of Cultural TNU. VI Vernadsky goes "on the road", ie at the Museum of any city of the Crimea and endnotes in a bus tour of the track and a walking tour of the city, where the scientific reading. In the fall of 2014 45 conference participants went in Yvpatoria museum. On the road and sounded that will be presented below. The purpose of the tour was to: strengthen the interest of cultural studies to the study of the Crimean culture, history, the Crimean nature through creativity MU Lermontov, "page of his biography." The objectives are: the selection

of poetry, which describes the nature of the Caucasus, and these descriptions resemble Crimean relief. Using the Crimean myth about staying M. Lermontov in the Crimea in October 1840.

Keywords: Lermontov, Crimea, cultural, excursions.

Хотя и юная, но безграничная и глубинная по своей сути наука культурология, может черпать материалы для своего обогащения отовсюду. Вот и творчество Михаила Юрьевича Лермонтова для культуролога – это неисчерпаемый родник для познания культуры.

В данной статье речь пойдет о том, как М.Ю. Лермонтов стал замечательным помощником в подготовке доклада-экскурсии к XXXVII Международным научным чтениям «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней», посвященным 200-летию со дня его рождения. По традиции, второй день научных чтений проходит в музее другого города и обязательно сопровождается экскурсией в автобусе по трассе и пешеходной экскурсией по городу, где проходят научные чтения. Осенью 2014 года 45 участников конференции отправились в Евпаторийский краеведческий музей. По дороге и прозвучало то, что, отчасти, будет изложено ниже.

Целью экскурсии являлось: **усилить интерес культуролога** к изучению крымской культуры, истории, крымской природы **через творчество М.Ю. Лермонтова**, «страницы его биографии».

Задачами стали: отбор поэтических произведений, где описана природа Кавказа, напоминающая крымский рельеф; использование крымского мифа о пребывании М.Ю. Лермонтова в Крыму в октябре 1840 года.

Может сразу возникнуть вопрос, а вправе ли такая **экскурсия** о М.Ю. Лермонтове на пути из Симферополя в Евпаторию? Может ли она быть привязана к этой земле? И сразу надо сказать – «да, может, исходя из цели экскурсии». Объектами показа, станут крымские горы, крымская степь и море. Обширен материал и для рассказа: и творчество поэта, и мифы о нем, и **время года – осень...** Словом, культуролог решается прочесть то, что поэт «решился к нам писать» и прочесть, простите, прилагая все это к крымской земле. Поэтому, говоря о теме экскурсии, т.е. о стержне, на который нанизан рассказ, на первый взгляд могут возникнуть недоумения. Тема – Лермонтов? Или тема – Крым с различными подтемами? Наверное, все-таки – Крым, но **одновременно и неразрывно** с Михаилом Юрьевичем и чаще всего – **его строкой**. Итак, **30 октября 2014 года, четверг, 8 часов утра**.

«Еще небесное светило / Росистый луг не обсушило» («Измаил-бей») [4, т.2, с. 140], а от главного корпуса ТНУ отправляется университетский автобус. В салоне звучит романс М. Таривердиева на стихи М.Ю. Лермонтова... затем – стих «СОЛНЦЕ ОСЕНИ» (Все стихи в статье поданы в сокращении): *«Люблю я солнце осени... / Есть что-то схожее в прощальном взгляде / Великого светила с тайной грустью / Обманутой любви»*; [4, т. 1, с. 272].

Автобус следует по высокому мосту объездной дороги (район Давидовки), откуда с левой стороны от экскурсантов открывается панорама внутренней гряды Крымских гор: Демерджи, Чатыр-Даг, Бабуган яйла.

«Я счастлив был с вами, ущелия гор; /... Люблю я Кавказ» [4, т.1, с.70.] Поэт признается в любви к Кавказу, к его природе и горам, и экскурсовод-культуролог оговаривает, что крымские вершины тоже слышали много признаний в свой адрес. Например, Чатырдаг: *«...Сановник гор – из Крыма он, / Как из роскошного чертога, / Оставив мир дремать в пыли, / Приподнялся – и в царство Бога / Пошел посланником земли»* (В.Г. Бенедиктов) [5, с. 84].

А у М.Ю. Лермонтова: *«И было все на небесах / Светло и тихо. Сквозь пары / Вдали чернели две горы, / Наш монастырь из-за одной / Сверкал зубчатой стеной»* [4, т. 2, с. 421]. Воспетое в «Мцыри» здесь представляется легко. В крымских горах тоже было немало храмов и монастырей, особенно «в период иконоборческого движения в Византии (726-834гг), когда в Таврику бегут иконопочитатели, основную массу которых составляли особо гонимые властями монахи» [2, с. 32.].

Вспоминаем известную поэму Лермонтова «Демон», те ее строчки, которые легко принять за описания давнего горного Крыма:

«...И над вершинами Кавказа / Изгнанник рая пролетал». / «И скалы тесною толпой... Над ним склонялись головой, / Следя мелькающие волны». / «Счастливым, пышным край земли!... / И вот часовня на дороге... / Тут с давних лет почит в Боге / Какой-то князь, теперь святой, Убитый мстительной рукой». [4, т.2, с.374-380].

Когда-то и на западной вершине Чатырдага, именуемой Эклизи-Бурун – Церковный мыс (1527 м над уровнем моря), находилась церковь. Считали, что, по всей вероятности, при храме был монах, готовый встретить путешественника в любое время года. Святитель Иннокентий (И.А. Борисов) говорил: «Палат-гора видна с далеким и широким пространств суши и моря, и возвышающийся над нею Крест Христов мог бы служить укреплением веры, надежды, успокоением...» [5, с.85-86].

«Зато усердною рукою / Здесь у дороги, над скалою / На память водрузится крест; /... «Но церковь на крутой вершине, / Хранима властью святой, / Видна меж туч еще поныне» [4, т.2, с. 381].

Можно слушать стихи, взирая на горы, а когда они исчезнут из вида, знать, что они есть и они – берег моря. И ближе к западной оконечности Южного берега есть «Мыс Лермонтова» и «Дача Лермонтова» и живет давняя тайна или миф о том, что в октябре 1840 года в Балаклаве, Мисхоре, Ялте находился Михаил Лермонтов. Согласно мифу, на Кавказе поэт познакомился с Адель Омер де Гель, женой французского геолога Ксавье Омера, приглашенного правительством на работу в регион степного юга России. Там с 1837 года работала экспедиция, которую снарядили на средства Анатолия Демидова – **отца** Адели. Сам Анатолий Демидов – родом из уральских магнатов, но женился на племяннице Наполеона и жил в своем княжестве Сан-Донато близ Флоренции. Он вкладывал крупные капиталы и привлекал лучших

специалистов для разработки и добычи угля на юге России. Уголь был нужен, чтобы сохранить лесные массивы, с одной стороны, и с другой, чтобы не быть зависимыми от англичан «для существования наших пароходов и чугунных заводов». М.С. Воронцов назвал деятельность А. Демидова подлинно патриотической [3, с. 237]).

И вот влюбленный поэт, оставив театр военных действий, вместе с французенкой-поэтессой на шхуне «Юлия» прибывает в Крым [6, с. 156]. Автором этой мистификации называют Павла Петровича Вяземского, сына известного поэта пушкинского круга и знакомого Лермонтова. Опубликованные им в 1887 г. в журнале «Русский архив» письма Адель современники приняли за чистую правду, настолько подкупали своей точностью описания Симеиза, Кореиза, Ореанды, Алулки и особенно Мисхора, где поэт 28 октября 1840 г., сидя «под березой», – а она действительно там росла, – написал для своей спутницы стихотворение на французском языке. В духе повальных разоблачений 1930-х годов мистификацию раскрыли советские литературоведы Н.О. Лернер и П.С. Попов.

Однако в конце 80-х годов это разоблачение вызвало сомнение у одного из ведущих биографов Лермонтова Эммы Герштейн. В беседе с Анной Галиченко она рассказала, что обнаружила в неопубликованных дневниках близкого приятеля Михаила Юрьевича князя Лобанова-Ростовского, хранящихся в Щукинском архиве ГИМа, косвенные свидетельства появления Лермонтова в Мисхоре – встреча в Мисхоре в октябре 1840г. [1, с. 27-28].

А «Мыс Лермонтова», хотя и косвенно, но все же, связан с именем поэта. По мнению крымских краеведов, в 1905 г. в районе мыса Джаншиева, русского историка, приобрела участок и построила дачу дальняя родственница – дочь троюродного брата М.Ю. Лермонтова. Ныне мыс Джаншиева – это мыс Лермонтова с гротом Дианы и морскими воротами, рядом «Дача Лермонтова» и мыс Виноградный (Церковный). Все это в двух километрах от знаменитого мыса Фиолент. На мысе Виноградном – средневековый скит. Сохранился пещерный комплекс, руины храма. Это места, где в 1820 году какой-то монах Георгиевского монастыря сопровождал А.С. Пушкина к развалинам храма в балке Дианы [6, с. 141].

«Оставленная пустынь предо мной /Белеется вечернею порой.

Последний луч на ней еще горит; / Но колокол растреснувший молчит...» [4, т.1, с.108].

Эти строчки могли бы вполне соответствовать картине на мысе Виноградном, если бы поэт, в самом деле, мог оказаться в Крыму.

Но, а далее только, наверное, в **экскурсии, (одной из задач которой является находить разумные поводы, чтобы вести разговор о своем крае)**, позволительно предположить с кем хотели бы встретиться русский поэт и поэтесса-французенка в эту пору, в этом краю? И самое первое – это, конечно, должен был быть генерал-губернатор Новороссии М.С. Воронцов – славный герой Отечественной войны 1812 г., принимал участие и был ранен в генеральном сражении под Бородином: *«Ведь были же схватки боевые? Да, говорят, еще какие! / Недаром помнит вся Россия про день Бородина!»* («Бородино») [4, т.1, с.369]. С генерал-губернатором можно было долго говорить о войне, с его супругой Елизаветой Ксаверьевной – о Пушкине...: *«Погиб поэт! – невольник чести – / Пал, оклеветанный молвой, / С свинцом в груди и жаждой мести, / Поникнув гордой головой* [4, т.1, с. 372]

Если бы М.Ю. Лермонтов был на земле Крыма, то, наверняка пожелал бы оказаться у деревни Шумы, где в 1774 г. сражался с турками тот, кто вынудил французов с позором покинуть русскую землю – М.И. Кутузов.

Список **не допустимых в науке, но позволительных в экскурсии предположений, реконструкций** (в рамках дозволенного) можно продолжать, **чтобы снова вспомнить М.Ю. Лермонтова и еще раз воспеть Крым.** *«.../ Где лобят моря синие валы / Баюкать тень береговой скалы»* («Джюлио»), [4, т.2, с. 62].

«В теснине Кавказа я знаю скалу, / Туда долететь лишь степному орлу,

Но крест деревянный чернеет над ней,...» («Крест на скале»). [4, т.1, с. 493].

В Крыму, в Ореанде, «...я знаю скалу...», где тоже стоит крест. 30 сентября 1837 г. императрица Александра Федоровна вместе с Воронцовыми поднялась по северному склону на вершину горы Урьянда, где в память об Александре I установила крест и собственноручно посадила куст вечнозеленого лавра. Гора стала именоваться Крестовой [7, с. 14].

Так, вспоминая М.Ю. Лермонтова, мы едем по степи и почти приближаемся к месту нашего назначения – Евпатории. Вот оно Море!

«О море, море! Как прекрасны /В блестящий день и в день ненастный Его и рев и тишина! (отрывок, вычеркнутый Лермонтовым из «Демона»), [4, т.2с.485] *И в море каждая волна / Была душой одарена.../ Несется гордая волна, / Толпою слуг окружена...»* («Моряк»), [4, т.2, с. 132].

Экскурсовод-культуролог напоминает, что в Евпатории гостей ждет экскурсия по городу, подготовленная студентами 3-4 курса Ниной Малоуговой, Владимиром Степиным и Вячеславом Штепой, встреча с музеем для продолжения докладов, экскурсия по музею и, конечно, **золотое свободное время**, в которое может вестись купание в ноябрьском море, знаменитые караимские пирожки и кофе по-евпаторийски...

Спасибо, Михаилу Юрьевичу за то, что воспевая места другие, позволял нам думать, что, как будто бы, его сердце и ум **именно нашей Земле дарили столько тепла и любви. Может, и мы станем любить эту землю сильнее?**

Источники и литература:

1. А. А. Галиченко, Филатова Г. Г. Мисхор. (Старинные усадьбы Крыма) А. А. Галиченко, Филатова Г. Г. /– Симферополь : Бизнес-Информ, 2005.–88 с., илл.
2. Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. «Пещерные города Крыма» Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. /– Симферополь : «Таврия-Плюс», 2004,
3. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов / Захарова О. Ю. – Симферополь : «Бизнес-информ», 2005.
4. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах / Лермонтов М. Ю.– Изд.2.– Ленинград: Наука, 1979.
5. Проскурина Н. В. Паломничество по православным святыням Крыма, II часть / Проскурина Н. В. / – Симферополь, 2006.
6. Шавшин В. Г. Балаклава. Исторические очерки Шавшин В. Г. /– Симферополь : Бизнес-Информ, 2004. – 264 с., илл.
7. Филатова Г. Г. Дворец и храм в Нижней Ореанде. – 2-е изд. / Филатова Г. Г. – Симферополь : Н. Оріанда, 2011. – 96 л.

Дружинина Е.С.**УДК 008+069****МУЗЕЕФИКАЦИЯ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ**

Аннотация. В статье анализируется процесс осознания человеком темпорального расслоения культуры и его поиска устойчивых форм сохранения и трансляции артефактов, ценностей и смыслов, одной из которых выступает музеефикация. Культурология имеет дело с постоянно развивающимся сознанием, которое существует во временном пространстве прошлого и настоящего. Музей стал формой визуальной коммуникации, поскольку обеспечивал наглядную и реальную коммуникацию с культурой прошлого посредством сохранившихся артефактов.

Ключевые слова: культурная трансляция, музеефикация, фетишизация, фетиши, темпоральные слои культуры, артефакт, культура как система.

Анотація. У статті аналізується процес усвідомлення людиною темпорального розширення культури і його пошуку стійких форм збереження і трансляції артефактів, цінностей і смислів, однією з яких виступає музеефікація. Культурологія має справу з свідомістю, яке існує в часовому просторі минулого і сьогодення. Музей став формою візуальної комунікації, оскільки забезпечував наочну і реальну комунікацію з культурою минулого за допомогою збережених артефактів.

Ключові слова: культурна трансляція, музеефікація, фетишизація, фетиши, темпоральні верстви культури, артефакт, культура як система.

Summary. The article analyzes the process of man's awareness of the temporal separation of culture and his search for stable forms of preservation and transmission of artefacts, values and meanings. Museumification serves one of these forms. Man functions under two systems that reflect the temporal view of culture. It is a system of traditions as cultural expressions of the past and the system of reality as the experience of the present culture. Any system generates and displays its properties in the process of interaction with the environment. Culture doesn't exist and can't exist without communication. The communication promotes and provides coverage of cultural meanings from one generation to another. Technical progress promotes transformation of forms of cultural transmission. At the present stage of development of culture the opportunity to participate in various social processes remotely (to learn, to visit museums, to "walk in guests" on skype, etc.) changes both temporal and spatial characteristics of the human reality. Museum becomes a form of visual communication because it provides a visual and real communication with the culture of the past through the preserved artifacts. Since then, the very form of collecting artifacts gave impetus to museumification in culture. The transformation of the artifact into the exhibit is always the recognition of cultural, historical, social or educational value.

Keywords: cultural translation, museumification, fetishism, fetish, temporal layers of cultural artifact, culture as a system.

Культурология имеет дело с постоянно развивающимся сознанием, которое существует во временном пространстве прошлого и настоящего. Человечество вырабатывает новые понятия, формирует новые ценности, создаёт для их выражения новые образы и символы и, таким образом, заставляет эту систему безостановочно функционировать. Целью данной статьи является анализ процесса осознания человеком темпорального расслоения культуры и его поиска устойчивых форм сохранения и трансляции артефактов, ценностей и смыслов, одной из которых выступает музеефикация.

Культура охватывает все проявления человеческой деятельности – артефакты – как материальные, так и духовные. Человек является творцом артефактов, а следовательно, и творцом культуры. Но при этом он сам оказывается артефактом – произведением культуры. Наиболее простая схема культуры будет выглядеть следующим образом [3]:

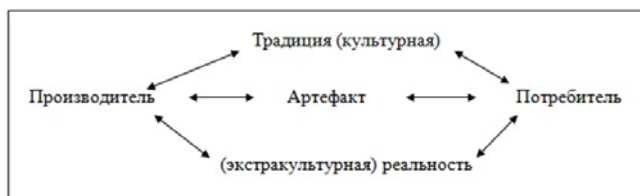

Рис. 1. Система «культура»